

УДК 347

DOI: 10.34670/AR.2026.99.37.046

Правовой статус самозанятого в судебном представительстве: коллизия норм

Баранник Игорь Николаевич

Кандидат юридических наук,
Доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин,
Владивостокский государственный университет,
690014, Российская Федерация, Владивосток, ул. Гоголя, 41;
e-mail: barannik_08@mail.ru

Бирюкова Софья Николаевна

Студент,
Владивостокский государственный университет,
690014, Российская Федерация, Владивосток, ул. Гоголя, 41;
e-mail: biryukova_sofya@list.ru

Аннотация

Правовая конструкция «самозанятый гражданин» широко используется представителями правовой науки, однако в нормативно-правовых актах РФ легальное определение данного термина не закреплено. В настоящей статье исследуются причины межотраслевой коллизии, возникающей при правовой квалификации возмездного судебного представительства, осуществляемого лицами без статуса адвоката, прежде всего в условиях применения специального налогового режима (НПД). Обосновано, что единый фактический состав – систематическое возмездное оказание услуг по представительству интересов в суде – получает диаметрально противоположную оценку в нормах гражданского, процессуального и налогового права. В работе доказывается, что проект федерального закона, предусматривающий расширение адвокатской монополии на гражданское, арбитражное и административное судопроизводство, не согласуется с конституционным принципом поддержки конкуренции и недопущения экономической деятельности, направленной на монополизацию (ст.ст. 8 и 34 Конституции РФ). Сформулированные теоретические выводы верифицированы посредством экспертного анкетирования (91 респондент); по итогам анализа предложены пути синхронизации отраслевых критериев. Методологическую базу исследования образует совокупность общенаучных и специальных методов, включая формально-юридический, сравнительно-правовой, системный, и межотраслевого анализа, что позволило комплексно исследовать заявленную проблему.

Для цитирования в научных исследованиях

Баранник И.Н., Бирюкова С.Н. Правовой статус самозанятого в судебном представительстве: коллизия норм // Вопросы российского и международного права. 2026. Том 16. № 5А. С. 391-402. DOI: 10.34670/AR.2026.99.37.046

Ключевые слова

Самозанятость, профессиональный доход, предпринимательская деятельность, адвокат, юридическая помощь, правовая коллизия, судебное представительство.

Введение

В современных условиях благодаря развитию технологий «гиг-экономика» (Gig Economy) трансформировала рынки труда и изменила возможности получения дохода для многих людей. Это привело к значительному росту популярности данного сектора. Как отмечают исследователи Вашингтонского университета М. Дэнес, С. Лагарас, работники гиг-экономики с большей вероятностью становятся предпринимателями – особенно те, кто имеет низкий доход, относится к более молодой возрастной группе и ценит гибкость графика [Denes, Lagaras, Tsoutsoura, 2025]. Данная тенденция также характерна для российской экономики, которая с принятием новой Конституции перешла к траектории рыночного развития. Согласно данным официальной статистики, приводимым ФНС России, по состоянию на 31.12.2025 года число лиц, применяющих специальный налоговый режим, превысило 15 млн человек с совокупным годовым доходом свыше 3 трлн рублей (Сведения о количестве самозанятых граждан, зафиксировавших свой статус и применяющих специальный налоговый режим «Налог на профессиональный доход» в 2025г. (по состоянию на 31 декабря).

В этой связи принципиально важным положением Основного закона Российской Федерации является то, что статьи 8 и 34, гарантирующие свободу экономической деятельности, неразрывно связаны с положением статьи 48 о праве каждого на квалифицированную юридическую помощь [Конституция Российской Федерации, 1993]. На пересечении этих начал располагается возмездное оказание юридических услуг, высшей и наиболее ответственной формой которого выступает судебное представительство, заключающееся в осуществлении процессуальных действий в суде от имени и в интересах доверителя.

При единстве фактического содержания этой деятельности правопорядок оценивает её неодинаково в зависимости от отрасли, в которой ставится вопрос о квалификации, причём острее всего рассогласованность проявляется применительно к так называемым самозанятым – лицам, применяющим специальный налоговый режим «Налог на профессиональный доход» (далее – НПД), введенный Федеральным законом от 27 ноября 2018 г. № 422-ФЗ [Федеральный закон «О проведении эксперимента по установлению специального налогового режима „Налог на профессиональный доход“» № 422-ФЗ, 2018].

Следует отметить, что в законодательстве отсутствует единое межотраслевое определение самозанятости, на что обоснованно указывается в литературе [Малинина, 2021, с.38], и подтверждается доктринальной квалификацией самозанятости как формы реализации конституционного права на свободу предпринимательской деятельности, осуществляемой в упрощённом правовом режиме [Дю, 2022, с. 165].

Гражданское законодательство закрепляет содержательный критерий предпринимательства. Абзац 3 пункта 1 статьи 2 ГК РФ определяет предпринимательскую деятельность как самостоятельную, осуществляемую на свой риск, направленную на систематическое получение прибыли. Она включает не только пользование имуществом, продажу товаров, выполнение работ, но и оказание услуг [Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) № 51-ФЗ, 1994]. Возмездное судебное представительство, при

условии систематического получения прибыли, по своим материальным характеристикам исчерпывающе соотносится с этим определением. Не случайно в литературе самозанятость, в правовом режиме которой такая деятельность осуществляется, прямо квалифицируется как особый вид предпринимательской деятельности, трудно поддающийся государственному регулированию ввиду его преимущественно «теневого» характера [Покида, Зыбуновская, 2020, с. 60].

Цель настоящей статьи – выявить и систематизировать коллизию между гражданско-правовым, процессуальным и налоговым регулированием возмездного судебного представительства самозанятых и предложить непротиворечивую модель его правовой квалификации. Центральный тезис исследования заключается в диссонансе между критериями процессуального допуска представителя и легализации полученного им дохода. В результате один и тот же комплекс действий может соответствовать нормам процессуального права, но служить основанием для юридической ответственности. Как следствие, использование договора поручения в качестве правовой формы представительства вступает в прямое противоречие с условиями применения режима НПД.

Научная новизна исследования заключается в обосновании самостоятельной правовой категории «расщепление процессуального допуска» и предложении авторского подхода к налогово-правовой легализации доходов судебного представителя. Кроме того, в работе выявлена договорно-правовая природа соответствующей коллизии, разработан механизм ее разрешения, а также проведена эмпирическая верификация теоретических положений посредством социологического опроса.

Материалы и методы

Методологическую основу исследования образуют формально-юридический, сравнительно-правовой и системный методы, а также метод межотраслевого анализа, позволяющий сопоставить разноотраслевые критерии применительно к единому фактическому составу.

Комплексный сравнительно-правовой анализ базировался на доктринальных трудах отечественных и зарубежных авторов, нормативных правовых актах, а также материалах судебной практики различных юрисдикций.

Для проведения исследования был привлечен 91 респондент. Выборка репрезентирует генеральную совокупность членов Приморского регионального отделения общественной организации «Ассоциация юристов России», включающей представителей адвокатского, научного и бизнес-сообществ региона. Для анализа номинативных данных применялся метод частотного распределения с представлением ответов в процентном соотношении.

Результаты

Юридическая услуга в её гражданско-правовом понимании (статья 779 ГК РФ) представляет собой совершение определённых действий или осуществление определённой деятельности в интересах заказчика, результат которой неотделим от самого процесса её оказания. Будучи возмездной, такая услуга объективно приобретает экономическое содержание. В доктрине обоснованно подчеркивается, что квалификация деятельности в качестве предпринимательской зависит не от её формального наименования, а от наличия объективных сущностных признаков.

При этом декларативное исключение законодателем тех или иных видов деятельности из сферы предпринимательства не изменяет их экономической природы [Жукова, Подмаркова, 2021, с. 59].

Узловое значение для дальнейшего анализа имеет разграничение юридической помощи и юридической услуги. Юридическая помощь – категория конституционного уровня: статья 48 Основного закона гарантирует каждому право на получение квалифицированной юридической помощи, реализуя публичный интерес в обеспечении доступа к правосудию, и не сводится к эквивалентному имущественному обмену. Юридическая услуга, напротив, представляет собой гражданско-правовую форму – возмездное оказание услуг (глава 39 ГК РФ), опосредующее имущественный обмен и извлечение дохода. Эти категории принадлежат разным отраслям и преследуют разные цели. Однако в деятельности судебного представителя они фактически совмещены, поскольку одно и то же действие одновременно выступает реализацией конституционного права доверителя на судебную защиту и предметом возмездного гражданско-правового обязательства. Именно смешение публично-правовой категории помощи и частноправовой формы услуги, последовательно не разведённых законодателем, образует исходный узел рассматриваемой коллизии.

Показательно, что, формируя в 2017 году режим, при котором отдельные категории граждан вправе вести приносящую доход деятельность без регистрации в качестве индивидуального предпринимателя, законодатель исходил из того, что соответствующая деятельность по своей природе остаётся предпринимательской, но выводится из-под общего регистрационного требования специальным законом [Федеральный закон «О внесении изменений в статьи 2 и 23 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» № 199-ФЗ, 2017]. Тем самым была подтверждена допустимость существования предпринимательской по содержанию деятельности, осуществляемой вне статуса предпринимателя, но лишь в случаях, прямо предусмотренных законом. Это решение служит отправной точкой для оценки правового положения судебного представителя и обнаруживает общий механизм, посредством которого отдельные виды экономической деятельности получают особый, изъятый из общего порядка режим.

Данный подход находит свое подтверждение в нормах Закона об адвокатуре и адвокатской деятельности, в частности, согласно ч. 2 ст. 1, адвокатская деятельность не относится к предпринимательской [Федеральный закон «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» № 63-ФЗ, 2002]. Принципиально важно методологически верно истолковать характер данного изъятия. На наш взгляд, адвокатская деятельность обладает всеми материальными признаками предпринимательской в смысле статьи 2 ГК РФ: она осуществляется самостоятельно, на собственный риск и профессиональной основе, направлена на систематическое получение вознаграждения, определяемого соглашением с доверителем.

Действительное публично-правовое оправдание названного изъятия, как представляется, имеет ограниченные пределы. Деятельность адвокатов по оказанию гарантированной государством юридической помощи включает в себя два основных направления: оказание бесплатной юридической помощи в рамках государственной и негосударственной систем, регламентированных Федеральным законом № 324-ФЗ, а также участие в качестве защитника (представителя) по назначению в уголовном (статьи 50 и 51 УПК РФ), гражданском (статья 50 ГПК РФ) и административном (статьи 54 КАС РФ) судопроизводстве, оплачиваемое за счет средств федерального бюджета.

Сделанный вывод соответствует базовым установкам современной доктрины. Polemika

свидетельствует о том, что граница между «помощью» и «услугой» проводится не по природе деятельности, а исключительно по соображениям правовой политики. Представляется непоследовательным тот факт, что одна и та же по содержанию возмездная деятельность по оказанию юридических услуг получает различную правовую квалификацию в зависимости от статуса субъекта: предпринимательская (для коммерческих фирм) и непредпринимательская (для адвокатов). Возникает коллизия, при которой экономическая суть деятельности полностью соответствует понятию предпринимательской, данному в статье 2 ГК РФ, однако статус адвоката искусственно выводит её из-под действия гражданского законодательства о бизнесе [Баранник, Скарлухина, 2022, с. 56-57]. Тот же механизм изъятия распространяется и на смежные профессии, осуществляемые на началах профессионального самоуправления. Часть 2 статьи 6 Закона № 422-ФЗ не признаёт объектом НПД доходы не только от адвокатской, но и нотариальной деятельности, деятельности арбитражного управляющего, оценщика и медиатора.

Сравнительно-правовой анализ правового регулирования деятельности самозанятых в ряде стран Азиатско-Тихоокеанского региона позволяет утверждать о наличии отчётливой тенденции: правовой статус самозанятого определяется в них преимущественно через гражданско-правовую, а не трудовую конструкцию, а отношения в сфере оказания профессиональных услуг опосредуются нормами гражданского права. Так, в сравнительных исследованиях в Японии и Китае самозанятость прямо относят к модели гражданско-правовых отношений в отличие от трудовой модели США и Канады [Мосейко, 2025, с. 532]. При этом в Китае понятие гибкой занятости в государственной политике фактически используется как синоним самозанятости и охватывает индивидуальное и партнёрское предпринимательство, самостоятельную и временную занятость, а приоритет в регулировании отдаётся не налоговому стимулированию, а постепенному распространению на эту категорию системы социального обеспечения [Ши, 2023, с. 762].

Сопоставление национальных подходов демонстрирует, что юридическая квалификация отношений как наемного или независимого труда, а также определение формы контроля (государственного либо саморегулируемого) носят конструируемый характер. Они являются результатом правовой политики, а не прямым следствием экономической природы осуществляемой деятельности [Забелина, Сергеева, 2023, с. 359].

Зарубежный опыт квалификации самостоятельного профессионального труда подтверждает, что граница между наёмной и независимой деятельностью определяется не столько её экономическим содержанием, сколько избранными правопорядком критериями. Наиболее показателен опыт США, где система многофакторных тестов получила развитие применительно к платформенной занятости. Так, в деле компании *Dynamex Operations West, Inc.* (2018) Верховный суд штата Калифорния применил так называемый ABC-тест, согласно которому исполнитель презюмируется наёмным работником, пока наниматель не докажет одновременно свободу исполнителя от контроля, выполнение работы вне обычной деятельности нанимателя и самостоятельное ведение им устойчивого бизнеса того же рода [*Dynamex Operations West, Inc. v. Superior Court of Los Angeles*, 2018]. Этот подход в сентябре 2019 года был закреплён законом штата Калифорния [Assembly Bill No. 5 (Worker status: employees and independent contractors), 2019]. Реакцией платформенной индустрии в этой стране стало одобрение на референдуме инициативы Proposition 22 (2020), выведшей водителей и курьеров приложений-агрегаторов из-под действия указанного закона и закрепившей за ними статус независимых подрядчиков с усечённым набором гарантий, конституционность которой

подтверждена в деле Кастельянос против штата Калифорния (2024) [Proposition 22 (App-Based Drivers as Contractors and Labor Policies Initiative), 2020].

Тем самым даже строгий презумптивный тест может быть нейтрализован специальным изъятием, что обнаруживает политико-правовую, а не сугубо содержательную природу квалификации. Сопоставимую закономерность выявляет и налоговое регулирование: в отличие от российского льготного режима, в Соединённых Штатах самозанятые уплачивают налог на самозанятость, причём в большинстве развитых правовых порядков пониженная фискальная нагрузка компенсируется встроенными механизмами обязательного социального страхования, чего отечественная модель не предусматривает [Чебанова, 2020, с. 56].

В Китайской Народной Республике реакцией на распространение платформенной занятости стало принятие в 2021 году руководящих указаний о защите трудовых прав работников новых форм занятости, впервые закрепивших промежуточную категорию отношений, не вполне отвечающих признакам трудовых, и возложивших на цифровые платформы обязанности по обеспечению минимальных гарантий [Guiding Opinions on Safeguarding the Labour Rights and Interests of Workers in New Forms of Employment (China), 2021].

Приведённые в таблице 1 модели правовой квалификации самостоятельной профессиональной деятельности в России, США и КНР показывают, что отнесение возмездной профессиональной деятельности к предпринимательской либо к наёмному труду повсеместно решается средствами правовой политики, что подкрепляет вывод о допустимости законодательной корректировки отечественных критериев применительно к самозанятым, оказывающим юридические услуги и осуществляющим судебное представительство.

Таблица 1 - Сопоставление моделей правовой квалификации самостоятельной профессиональной деятельности в России, США [IRS, [www...](#); Шибаршина, 2021] и КНР [Петухов, 2025]

Критерий сопоставления	Российская Федерация	Соединённые Штаты Америки	Китайская Народная Республика
Модель налогового регулирования	Специальный льготный режим НПД: ставки 4 и 6 %, лимит 2,4 млн руб., дистанционное администрирование	Специального режима нет; общий подоходный налог и налог на самозанятость	Общий порядок; политика «гибкой занятости»
Разграничение наёмного и независимого труда	Жёсткое: самозанятый противопоставлен работнику	Многофакторные тесты, включая ABC-тест (Dynamex, AB 5)	Три критерия трудовых отношений; концепция «неполных» трудовых отношений
Промежуточный правовой статус	Отсутствует	На федеральном уровне отсутствует; гибрид по Proposition 22	Частично (отношения, не вполне отвечающие признакам трудовых)
Регулирование платформенной занятости	Закон № 289-ФЗ (с 01.10.2026) без приравнивания к труду	Proposition 22: усечённые гарантии gig-работников	Обязанности платформ по минимальным гарантиям и прозрачности алгоритмов

За пределами перечисленных профессиональных статусов возмездное оказание юридических услуг, включая представительство в суде, сохраняет предпринимательскую квалификацию по статье 2 ГК РФ. Следовательно, лицо, возмездно представляющее интересы доверителей в судах, но не являющееся адвокатом, нотариусом или арбитражным

управляющим, не охватывается соответствующими изъятиями и подчиняется общему режиму: оно должно либо приобрести статус, легализующий извлечение дохода (индивидуальный предприниматель или плательщик НПД), либо нести риск неблагоприятных последствий.

Введение режима НПД существенно изменило исходные условия. Закон № 422-ФЗ позволил физическим лицам легализовать доход от самостоятельной профессиональной деятельности без регистрации в качестве индивидуального предпринимателя. Перечень видов деятельности, прямо исключённых из-под режима (статья 4 названного закона), не упоминает оказание юридических услуг как таковое. На этом основании нередко делается вывод о беспрепятственной допустимости деятельности самозанятого юриста. Такой вывод, однако, не учитывает существенного ограничения договорно-правового характера.

Именно здесь обнаруживается ключевая коллизия между процессуальным и налоговым регулированием. Судебное представительство по своей гражданско-правовой природе опосредуется договором поручения (глава 49 ГК РФ), поскольку поверенный совершает юридические действия от имени и за счёт доверителя. Между тем пункт 5 части 2 статьи 4 Закона № 422-ФЗ запрещает применение НПД лицам, ведущим деятельность в интересах другого лица на основе договоров поручения, комиссии либо агентских договоров. Из системного толкования этих норм следует, что систематическое судебное представительство, оформленное договором поручения, несовместимо со статусом плательщика НПД: самозанятый, осуществляющий такую деятельность, формально выходит за пределы разрешённого режима. Тем самым деятельность, прямо не запрещённая по своему предмету, оказывается недоступной по своей договорной форме, что создаёт труднопреодолимую неопределённость для квалифицированного юриста, избравшего режим самозанятости.

Результаты социологического исследования среди респондентов, оказывающих юридические услуги, показали, что наиболее распространенными видами деятельности являются составление документов правового характера и представительство в судопроизводстве. Данный факт подтверждает высокую практическую востребованность судебного представительства в среде самозанятых. Примечательно, что в ходе опроса респонденты аргументированно выступали за снятие запрета, предусмотренного пунктом 5 части 2 статьи 4 Закона № 422-ФЗ, на осуществление самозанятыми представительских функций. Полученные эмпирические данные коррелируют с теоретическим выводом о наличии межотраслевой коллизии и ее фиксации самим профессиональным сообществом.

Процессуальное законодательство устанавливает самостоятельный критерий допуска к судебному представительству. После реформы, проведённой Федеральным законом от 28 ноября 2018 г. № 451-ФЗ [Федеральный закон «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» № 451-ФЗ, 2018], в гражданском, арбитражном и административном судопроизводстве закреплено правило профессионального представительства: представителем по общему правилу может выступать адвокат либо иное лицо, имеющее высшее юридическое образование или учёную степень по юридической специальности (статья 49 ГПК РФ, статьи 59–61 АПК РФ, статья 55 КАС РФ). В уголовном судопроизводстве защиту по общему правилу осуществляет адвокат, а допуск иного лица возможен лишь наряду с адвокатом (статья 49 УПК РФ).

Ключевая особенность процессуального критерия состоит в том, что он сформулирован исключительно через образовательный ценз и не содержит указания на экономико-правовой статус представителя. Процессуальный закон безразличен к тому, является ли представитель

адвокатом, индивидуальным предпринимателем, плательщиком НПД, работником по трудовому договору или лицом, действующим вне какого-либо легализующего статуса: для допуска достаточно надлежаще оформленных полномочий и квалификационного признака – диплома о высшем юридическом образовании. Тем самым процессуальное право санкционирует саму деятельность, оставляя вопрос о её предпринимательской природе и о налогово-правовой форме извлечения дохода за рамками своего регулирования.

В результате формируется ситуация, которую можно охарактеризовать как расщепление критериев правомерности. Процессуальный критерий допуска и критерий легализации дохода (гражданско-правовой и налоговый) привязаны к единому фактическому составу, но устанавливаются изолированно друг от друга в рамках разных отраслей права, что порождает межотраслевые коллизии. Лицо, отвечающее требованиям образовательного ценза, беспрепятственно допускается судом к представительству. Однако систематическое и возмездное оказание таких услуг подпадает под признаки предпринимательской деятельности (в соответствии со ст. 2 ГК РФ) и требует специальной регистрации либо постановки на учет в качестве плательщика налога на профессиональный доход (НПД). Как показано выше, даже постановка на учет в качестве самозанятого не устраняет концептуального противоречия, обусловленного договорной формой поручения.

Практика, формирующаяся вокруг деятельности плательщиков НПД, последовательно исходит из приоритета существа отношений над их формой. Применительно к оказанию юридических услуг показательное постановление Восемнадцатого арбитражного апелляционного суда от 25 октября 2023 г. № 18АП-13411/2023 по делу № А76-12527/2023, в котором суд, установив, что самозанятый оказывал юридические услуги нескольким заказчикам и располагал альтернативными источниками дохода, признал его деятельность самостоятельной и исключил переквалификацию гражданско-правового договора в трудовой [Постановление Восемнадцатого арбитражного апелляционного суда № 18АП-13411/2023, 2023]. В практике судов Дальневосточного округа тот же подход проявляется и в обратном направлении: при наличии признаков трудовых отношений возмездная деятельность физических лиц, оформленная гражданско-правовыми договорами, переквалифицируется в трудовую [Постановление Арбитражного суда Дальневосточного округа № Ф03-3529/2020, 2020]. Следовательно, судебная практика пока не сформировала специального подхода именно к судебным представителям, однако уже выработала универсальные критерии самостоятельности деятельности плательщика НПД, применимые и к возмездному судебному представительству.

Обсуждение

Острота рассматриваемой проблемы возрастает на фоне обсуждаемой реформы рынка профессиональной юридической помощи. Подготовленный в 2017 году Министерством юстиции Российской Федерации в рамках государственной программы «Юстиция» проект Концепции регулирования рынка профессиональной юридической помощи предполагает постепенное объединение лиц, оказывающих юридические услуги на профессиональной основе, на базе адвокатуры и закрепление преимущественно адвокатского представительства в судах [Проект Концепции регулирования рынка профессиональной юридической помощи, [www...](#)]. Дискуссия о такой реформе сохраняет актуальность и в современный период. Так, А.Н. Латыев [Латыев, 2025, с. 79-80], И.А. Манаев [Манаев, Потапенко, 2024, с. 156-157], А.В.

Рагулин [Рагулин, 2025, с.89] отмечают, что последовательная реализация этого подхода исключила бы из легального оборота значительный сегмент представителей, не имеющих адвокатского статуса; сохранение же действующей модели требует устранения внутренней рассогласованности между процессуальным допуском, договорной формой и налогово-правовой легализацией дохода.

Следует отметить, что еще в 1997 году члены Конституционного суда В.О. Лучин, Э.М. Аметистов, В.И. Олейник, Н.Т. Ведерников в своих особых мнениях при вынесении Постановления от 28.01.1997 № 2-П «По делу о проверке конституционности части четвертой статьи 47 УПК РСФСР...» отмечали, что закрепленное в статье 48 Конституции Российской Федерации право задержанных, заключенных под стражу, обвиняемых в совершении преступления пользоваться помощью адвоката (защитника) с момента соответственно задержания, заключения под стражу или предъявления обвинения не должно расцениваться как обязанность этой категории лиц пользоваться только услугами адвокатов. Подобный подход привел бы к нарушению права на самозащиту и гарантий, закрепленных в статье 14 Международного пакта о гражданских и политических правах. В частности, ратифицировав указанный Пакт, Российская Федерация взяла на себя обязательство обеспечивать каждому обвиняемому возможность беспрепятственно сноситься с выбранным им защитником [Постановление Конституционного Суда РФ № 2-П, 1997].

Проведенный анализ выявил устойчивую межотраслевую коллизию в правовом регулировании возмездного судебного представительства, осуществляемого самозанятыми гражданами. Во-первых, содержательный критерий предпринимательской деятельности (ст. 2 ГК РФ) охватывает систематическое возмездное представительство, однако нормы об адвокатуре и нотариате выводят данный вид услуг из-под общего режима, оставляя прочих независимых юристов в неопределенном правовом статусе. Во-вторых, процессуальное законодательство допускает таких лиц к участию в деле на основании образовательного ценза, игнорируя вопрос легализации их доходов. В-третьих, нормы налогового права, регулирующие применение налога на профессиональный доход (НПД), непоследовательны в допуске данных субъектов к спецрежиму, а договорные ограничения НПД входят в противоречие с правовой природой представительского обязательства.

Заключение

Результаты исследования свидетельствуют о сохраняющемся противоречии между нормами, регулирующими участие представителей в гражданском, арбитражном и административном процессах, и федеральным законом, устанавливающим категории пользователей специального налогового режима. Оптимальным решением рассматриваемой проблемы видится внесение изменений в пункт 5 части 2 статьи 4 Закона № 422-ФЗ. Следует нормативно закрепить, что запрет на деятельность в чужом интересе на основе договора поручения не охватывает возмездное оказание юридических услуг по представительству в судах (гражданских, арбитражных и административных), если такое представительство осуществляется физическими лицами, отвечающими требованиям закона.

В целях унификации правового статуса, для представителей-самозанятых в процессуальном законодательстве целесообразно установить те же требования, что предъявляются к адвокатам, медиаторам и третейским судьям. В частности, они должны подтверждать наличие высшего

юридического образования, полномочий по доверенности, а также отсутствие неснятой или непогашенной судимости. Без данного уточнения договорная конструкция поручения, являющаяся неотъемлемым элементом представительства, продолжит создавать препятствия для правомерного и прозрачного оформления доходов квалифицированного юриста в упрощенном порядке.

Представляется, что результаты данного исследования могут быть использованы для совершенствования действующего законодательства.

Библиография

1. Баранник И.Н. Некоторые аспекты правового регулирования деятельности на рынке юридических услуг / И.Н. Баранник, О.А. Скарлухина // Высшая школа: научные исследования: материалы Межвузовского международного конгресса, Москва, 21 июля 2022 г. М.: Инфинити, 2022. С. 52-64.
2. Доо А.М. Самозанятость как форма реализации конституционного права на свободу предпринимательской деятельности: проблемы правового регулирования / А.М. Доо. // Право и государство: теория и практика. 2022. № 12 (216). С. 164-166.
3. Жукова Ю.Д. Самозанятые граждане: правовая квалификация деятельности и перспективы формирования специального режима / Ю.Д. Жукова, А.С. Подмаркова. // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2021. Т. 13, № 4. С. 49-79.
4. Забелина О.В. Международный опыт нормативно-правового регулирования самозанятости / О.В. Забелина, М.В. Сергеева. // Экономика труда. 2023. Т. 10, № 3. С. 357-370.
5. Латыев А.Н. Проект адвокатской монополии – 2025: как не надо делать // Бизнес, менеджмент и право. 2025. № 4. С. 78-85.
6. Малинина Л.Ю. Самозанятые граждане: понятие и правовое регулирование / Л.Ю. Малинина. // Юрист. 2021. № 3. С. 37-43.
7. Манаев И.А., Потапенко О.В. Адвокатская монополия: вызовы и перспективы правового регулирования // Право и государство: теория и практика. 2024. № 9(237). С. 155-158.
8. Мосейко В.В. Особенности международного регулирования деятельности самозанятых в ЕАЭС / В.В. Мосейко. // AlterEconomics. 2025. Т. 22, № 3. С. 527-542.
9. Покида А.Н. Регулирование деятельности самозанятых граждан / А.Н. Покида, Н.В. Зыбуновская. // Вопросы государственного и муниципального управления. 2020. № 1. С. 60-81.
10. Рагулин А.В. «Адвокатская монополия»: разоблачение антинародной контрреформы в стенах парламента // Евразийская адвокатура. 2025. № 5 (76). С.60-90.
11. Чебанова Е.А. Налог на самозанятость в Америке и России: сравнительно-правовой анализ / Е.А. Чебанова. // Закон и право. 2020. № 5. С. 55-57.
12. Ши С. Развитие подходов социального обеспечения самозанятых в Китае в условиях глобальной цифровизации / С. Ши // Сборник научных статей. – Минск: Белорусский государственный университет, 2023. С. 761-763.
13. Denes M., Lagaras S., Tsoutsoura M. Entrepreneurship and the gig economy: Evidence from U.S. tax returns. Journal of Financial Economics. Volume 173, November 2025, 104156. URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0304405X25001643> (date of access: 28.06.2026)

The Legal Status of the Self-Employed in Judicial Representation: Conflict of Norms

Igor' N. Barannik

PhD in Law,
Associate Professor of the Department of Civil Law Disciplines,
Vladivostok State University,
690014, 41, Gogolya str., Vladivostok, Russian Federation;
e-mail: barannik_08@mail.ru

Sof'ya N. Biryukova

Student,

Vladivostok State University,

690014, 41, Gogolya str., Vladivostok, Russian Federation;

e-mail: biryukova_sofya@list.ru

Abstract

The legal construct of the "self-employed citizen" is widely used by representatives of legal science; however, in the normative legal acts of the Russian Federation, a legal definition of this term is not enshrined. This article examines the causes of the interbranch conflict arising in the legal qualification of compensated judicial representation carried out by persons without the status of an attorney, primarily under the conditions of applying a special tax regime (professional income tax). It is substantiated that a single factual composition – the systematic compensated provision of services for representing interests in court – receives a diametrically opposite assessment in the norms of civil, procedural, and tax law. The paper proves that the draft federal law providing for the expansion of the attorney monopoly on civil, arbitration, and administrative proceedings is inconsistent with the constitutional principle of supporting competition and preventing economic activity aimed at monopolization (Articles 8 and 34 of the Constitution of the Russian Federation). The formulated theoretical conclusions are verified through expert questionnaires (91 respondents); based on the results of the analysis, ways of synchronizing sectoral criteria are proposed. The methodological basis of the research is formed by a set of general scientific and special methods, including formal-legal, comparative-legal, systemic, and interbranch analysis, which allowed for a comprehensive study of the stated problem.

For citation

Barannik I.N., Biryukova S.N. (2026) Pravovoy status samozanyatogo v sudebnom predstavitel'stve: kolliziya norm [The Legal Status of the Self-Employed in Judicial Representation: Conflict of Norms]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 16 (5A), pp. 391-402. DOI: 10.34670/AR.2026.99.37.046

Keywords

Self-employment, professional income, entrepreneurial activity, attorney, legal assistance, legal conflict, judicial representation.

Referents

1. Barannik I.N. Nekotoryye aspekty pravovogo regulirovaniya deyatel'nostina rynke yuridicheskikh uslug / I.N. Barannik, O.A. Skarlukhina // Vysshaya shkola: nauchnyye issledovaniya: materialy Mezhvuzovskogo mezhdunarodnogo kongressa, Moskva, 21 iyulya 2022 g. M.: Infiniti, 2022. S. 52-64.
2. Doo A.M. Samozanyatost' kak forma realizatsii konstitutsionnogo prava na svobodu predprinimatel'skoy deyatel'nosti: problemy pravovogo regulirovaniya / A.M. Doo. // Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika. 2022. № 12 (216). S. 164-166.
3. Zhukova YU.D. Samozanyatyie grazhdane: pravovaya kvalifikatsiya deyatel'nosti i perspektivy formirovaniya spetsial'nogo rezhima / YU.D. Zhukova, A.S. Podmarkova. // Pravo. Zhurnal Vyshey shkoly ekonomiki. 2021. T. 13, № 4. S. 49-79.
4. Zabelina O.V. Mezhdunarodnyy opyt normativno-pravovogo regulirovaniya samozanyatosti / O.V. Zabelina, M.V. Sergeyeva. // Ekonomika truda. 2023. T. 10, № 3. S. 357-370.
5. Latyev A.N. Proyekt advokatskoy monopolii – 2025: kak ne nado delat' // Biznes, menedzhment i pravo. 2025. № 4. S.

78-85.

6. Malinina L.Yu. Self-employed citizens: concept and legal regulation / L.Yu. Malinina. // Yurist. 2021. No. 3. P. 37–43.
7. Manayev I.A., Potapenko O.V. Advokatskaya monopoliya: vyzovy i perspektivy pravovogo regulirovaniya // Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika. 2024. № 9(237). S. 155-158.
8. Moseyko V.V. Osobennosti mezhdunarodnogo regulirovaniya deyatel'nosti samozanyatykh v YEAEs / V.V. Moseyko. // AlterEconomics. 2025. T. 22, № 3. S. 527-542.
9. Pokida A.N. Regulirovaniye deyatel'nosti samozanyatykh grazhdan / A.N. Pokida, N.V. Zybunovskaya. // Voprosy gosudarstvennogo i munitsipal'nogo upravleniya. 2020. № 1. S. 60-81.
10. Ragulin A.V. «Advokatskaya monopoliya»: razoblachenie antinarodnoy kontreformy v stenakh parlamenta // Yevraziyskaya advokatura. 2025. № 5 (76). S.60-90.
11. Chebanova Ye.A. Nalog na samozanyatost' v Amerike i Rossii: sravnitel'no-pravovoy analiz / Ye.A. Chebanova. // Zakon i pravo. 2020. № 5. S. 55-57.
12. Shi S. Razvitiye podkhodov sotsial'nogo obespecheniya samozanyatykh v Kitaye v usloviyakh global'noy tsifrovizatsii / S. Shi // Sbornik nauchnykh statey. – Minsk: Belorusskiy gosudarstvennyy universitet, 2023. S. 761-763.
13. Denes M., Lagaras S., Tsoutsoura M. Entrepreneurship and the gig economy: Evidence from the U.S. tax returns. Journal of Financial Economics. Volume 173, November 2025, 104156. URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0304405X25001643> (date of access: 06.28.2026)